

Richterek, Oldřich

Анна Ахматова и чешская культура

Opera Slavica. 1995, vol. 5, iss. 1, pp. 13-18

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116347>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АННА АХМАТОВА И ЧЕШСКАЯ КУЛЬТУРА

Ольдржих Рихтерек

Нельзя сказать, что лирика самой великой славянской поэтессы всех времен - Анны Ахматовой - стала в чешской культурной среде известной лишь в последнее время. Еще до войны появились кроме переводов отдельных стихов два чешских переводных сборника: "Белая стая" (1931) и "Стихи" (1932). Однако, позже, после войны, чешская культура тщательно ориентировалась на мнения официальной советской критики, и поэтому А. Ахматова оставалась более менее вне основного внимания широкого круга чешских читателей. Хотя намеченная обстановка частично меняется после реабилитации писательницы в 50-ые годы (ср., напр., оценку ее творчества в *Словаре писателей народов СССР*,¹ или издание избранных стихотворений в переводе М. Марчановой, интересовавшейся лирикой Ахматовой еще до войны, и высокую оценку именно этой лирики чешским поэтом Ф. Браниславом,² можно сказать, что чешский интерес к творчеству "русской Сапфо" как будто неадекватно притормаживался: А. Ахматова даже не попала в бывшие учебники русской литературы чешских средних школ, причем ее интимная лирика могла пользоваться несомненным интересом подрастающего поколения. Видно, она считалась с идеологической точки зрения "мало выразительной" и нежелательной.³ Приведенная тенденция была очевидной еще весной 1989 года, когда существовали политические препятствия для издания чешского перевода поэмы "Реквием", хотя в России эта поэма уже без проблем появилась в печати.

Именно поэтому мы считаем несколько парадоксальным, что новейшие чешские издания произведений А. Ахматовой⁴ (особенно обшир-

¹ Slovník spisovatelů národů SSSR. Praha 1966, s. 18-19. (Автором статьи был М. Дрозда.)

² Achmatovová, A.: Milostný deník. Praha 1963. Přel. M. Marčanová, úvodní slovo F. Branislav.

³ Исключением является дополнительный учебник Výbor z ruské literatury klasické i moderní, Praha, SPN 1967, в котором Ахматова кроме очень короткого литературного портрета представлена тремя стихотворениями.

⁴ Achmatovová, A.: Modrý večer. Přel. I. Jakubcová. Praha 1989. Achmatovová, A.: Vestálka paměti. Vybrala, uspořádala a přeložila H. Vrbová. Praha 1990.

ный сборник избранных произведений, предоставляющий, благодаря организаторской работе переводчицы Г. В р б о в о й, цельный образ личности этой поэтессы) появились во время, когда всеобщий недостаточный интерес к поэзии сочетается с качественной переоценкой русской литературы в чешской среде и закономерным временным падением интереса к ней.

При восприятии любого литературного произведения в иноязычной среде существенную роль играет совокупность разных факторов. К ним принадлежат и т. наз. "встречные течения", намеченные еще А. Н. В е с е л о в с к и м; они анализировались и обсуждались почти всеми теоретиками литературной компаративистики и межлитературного процесса, как, например, известным словацким ученым Д. Д ю р и ш и н ы м.⁵ Напрашивается вопрос, какие черты художественного стиля Ахматовой смогут способствовать укреплению этих встречных течений в процессе чешской рецепции ее творчества в современных выше упомянутых условиях взаимного диалога чешской и русской культур. Нам кажется, что можно выделить, по крайней мере, четыре:

1. **Драматический, почти сценически диалогический характер стихов А. Ахматовой.** Благодаря ему, читатель становится участником минидействия отдельных стихотворений или поэм, и чтение поэтического текста ведет его к совместному переживанию, смешанному естественно с переживанием собственных жизненных драм, усиленных ритмическим биением лирических настроений, создаваемых поэтессой и в стихах, и в читателе.

2. **Глобокая ассоциативность поэтического языка А. Ахматовой.** В ней отражается закономерная, но все таки постоянно удивительная взаимосвязь отдельных явлений, событий и судеб; нам думается, что именно эта ассоциативность гарантирует активизацию читательской апперцепции, гарантирует "меру обращения" отдельного стиха к читателю.

3. С выше приведенными чертами очень тесно связана живая **аутентичность**, т. е. конкретность, ясность и вещественность поэтических образов Ахматовой. В ней следует искать источники ее общеизвестной прозрачности выражения без неадекватной поэтизации изображения мира. Именно поэтому мы можем поэтессу отнести к тем представителям мировой литературы, которые способны пропорционально, уравновешенно и просто говорить о самых великих проблемах. Возникающая эмоциональная лаконичность Ахматовой не только доказывает закономерные взаимосвязи между простотой и сложностью окружающих нас явлений и проблем, но и предоставляет достаточное пространство для

⁵ Ср., напр. уже его работу: *Ďuršín, D.: Teória literárnej komparatistiky*. Bratislava 1985, s. 42. Или: *Ďuršín, D.: Čo je svetová literatúra*. Bratislava 1992, s. 147;

упомянутого совместного переживания у читателя. Данные черты обеспечивают успешный контакт поэзии Ахматовой именно с современным читателем.

4. Личная судьба Ахматовой, смешанная с более широким семантическим подтекстом ее стихотворений, превратила ее поэтическое наследие в определенную "совесть" русской культуры, способную, по словам И. Г о н з и к а, "расчитываться" с обществом от имени простой человеческой истинности и искренности.⁶ Эти черты заметны, в особенности, в поэмах писательницы, например, в *"Поэме без героя"* и *"Рекаем"*, которые, благодаря этому, превращаются в мощно концентрированный, амбивалентный образ, охватывающий не только трагическую судьбу России XX-ого века, а также русскую и европейскую культурную историю и горький общечеловеческий жизненный опыт. Диалогические, ассоциативные и аутентичные стихи поэтессы приобретают таким образом характер семантически насыщенной "литературной симфонии".⁷

Традиции русско-чешского художественного перевода и взаимного диалога обеих культур длинны и глубоки. От этапов не критического обожания с точки зрения чешской принимающей среды (главным образом в период т. наз. славянофильского и русофильского энтузиазма чешского национального возрождения в XIX-ом в., или в связи с общеевропейским утопическим "левым" увлечением первой половины XX-ого в.), через идеологически и политически облигаторную не критическую рецепцию русской культуры в сороколетний послевоенный период, к современному частично смущенному осознанию необходимости возобновления взаимного культурного диалога, без которого немислимы нормальные, естественные условия мирового культурного процесса и также адекватное развитие каждой национальной культуры.

Конечно, встречные течения, связанные нередко очень тесно с политическими и общественными обстановками принимающей среды (упомянутая история чешской рецепции русской литературы это наглядно доказывает), нельзя считать единственными релевантными факторами в процессе восприятия иноязычной литературы. Немалую роль играет, например, и характер воспринимаемого художественного произведения, представляющий собой де-факто инородный элемент в межкультурном диалоге. (Именно поэтому мы коснулись выше особенностей поэтики А. Ахматовой.) Если элементы реалий, как правило, не оказывают отрицательного влияния на спонтанную положительную рецепцию произведений иноязычной (в данном случае

⁶ Honzík, J.: Ruská Sapfó. Doslov in: Achmatovová, A.: Vestálka paměti..., цит. произв., с. 457.

⁷ Это название дает Поэме без героя А. И. Павловский. Цит. по: Achmatovová, A.: Vestálka paměti..., цит. произв., с. 302.

русской) культуры (по мнению известного чешского теоретика художественного перевода И. Л е в о г о, относившего приведенные проблемы к т. наз. "национальной и временной специфичности перевода",⁸ читатель иногда даже хочет чувствовать, что он "читает перевод"⁹), то некоторые другие элементы национальной специфичности могут при неадекватном соблюдении в переводном тексте сыграть негативную роль. К ним можно, по нашему мнению, в области русско-чешского перевода отнести, наприм., изображение психики, именно переживание эмоциональности, лиризма, экспрессивности и восприятия времени,¹⁰ где заметны качественные расхождения между русской и чешской традициями. Намеченные особенности русско-чешского межкультурного диалога в прошлом более менее политически игнорировались с целью искать не различия, а только сходства у обеих культур, без учета простой истины, что именно различия могут способствовать взаимообогащению.

Следует подчеркнуть, что эмоциональная уравновешенность и глубина взаимосвязи русской национальной специфичности с общечеловеческим восприятием жизни в творчестве А. Ахматовой настолько сильны, что опасность стилистических и семантических сдвигов в эквивалентных переводах и, главным образом, при рецепции ее стихов явственно ослаблена. Более великую проблему представляет упомянутая поражающая глубина и полисемантичность лишь мнимо простых поэтических образов Ахматовой. Их декодирование, полное восприятие и понимание на высоком уровне обусловлены знанием русской истории и культуры мировой. Если эти знания закономерно предполагаются у переводчиков Ахматовой, их частичное отсутствие у читателей в иноязычной среде может заметно осложнять процесс апперцепции художественного текста.

Например, в поэме "Рекаем" к подобным "орешкам" читательской апперцепции можно, на наш взгляд, отнести незаметно перекрещивающиеся пласты древнерусского народного плача, традиция которого в западноевропейской католической области в последние столетия до определенной степени ослаблена, и элементы самого музыкального жанра "реквием". В ахматовском художественном стиле намеченный "сплав" этих двух жанрообразных пластов непринужденно, хотя строго расчетливо проступает через детали метрических форм стиха (например, через чередующиеся восходящие и нисходящие каденции, или

⁸ Ср.: Levy, J.: Umění překladu. Praha 1983, s. 118 и сл.

⁹ Там же, с. 96.

¹⁰ К этому см. нашу статью: Рихтерек, О.: Некоторые черты психологизма русской литературы с точки зрения художественного перевода. В кн.: Problemy psychologizmu w literaturach wschodnioslowianskich. Zielona Góra, WSP 1991, s. 211-216.

каденции с примесью анапестического мелкого упрека, которые чешской прозодической системе недоступны) и, наконец, отражается даже в незаметном превращении личной, элегической скорби, личного героизма, в скорбь, героизм и судьбу общерусскую и общечеловеческую.

Эквивалентная читательская рецепция еще сильнее осложняется в случае *"Поэмы без героя"*. Число отдельных взаимоперекрещивающихся семантических пластов в данном случае относительно увеличено. В сгущенном образе Петербурга под руководством главного героя - памяти - удивительно переплетаются пласты времени - прошлого и настоящего, среди карнавалыных кулис таинственного города на реке Неве, в парадоксально роковой атмосфере 1913 г., под аккомпанемент русского константного мотива "верта", в тесном соседстве широкой палитры мотивов, подчеркивающих связь русской и европейской культур, и вездесущего мотива апокалипсиса, встречающегося нередко не только в русском историческом мышлении, но и в литературе.¹¹ Апперцепция этой литературной симфонии и ее интерпретация немислимы без надлежащего "вида с верху" на взаимосвязь русской и европейской культуры, на их взаимное сосуществование и взаимообогащение.

Осложненная апперцепция, однако, может при своем адекватном и успешном осуществлении явным способом повлиять на культурный диалог. Она способствует раскрытию и пониманию того, что можно назвать "совестью" России, пониманию ее новой истории и традиций ее болезненного человеческого искания.

Конечно, подобный культурный диалог, исходящий, например, из апперцепции и рецепции конкретного художественного произведения, возможен только при наличии стилистически и семантически эквивалентного перевода данного произведения в принимающей культурной среде. Нам хотелось бы на этом месте подчеркнуть, что чешская культура может гордиться богатым числом очень удачных, де-факто конгениальных переводов всех существенных произведений Анны Ахматовой, именно благодаря переводчице Г. В р б о в о й.¹² Факт, что эти переводы в настоящих хаотических условиях формирования нового культурного диалога полностью распроданы, доказывает, что чешский читатель не потерял естественное чувство настоящих культурных ценностей и готовность к необходимому диалогу между чешской и русской культурами.

Всестороннее художественное и человеческое наследие А. Ахматовой при формировании этого диалога нельзя обойти. Обратит внима-

¹¹ К этому ср., наприм.: *Hansen-Löve, A. A.: Apokalyptika a adventismus v ruském symbolismu přelomu století. Svět literatury 6, Praha AV ČR 1993, s. 3.*

¹² Ср., напр., сб. избранных произв.: *Achmatovová, A.: Vestálka paměti..., цит. произв.*

ние на это наследство в контексте чешко-русских культурных отношений - такова была цель нашей краткой статьи. Интерес чешской принимающей стороны, на наш взгляд, пока неадекватный; он не соответствует значению личности А. Ахматовой в реляции к русской и чешской культурам, но не соответствует также высокому качеству чешской переводческой интерпретации лирики русской поэтессы.